

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ

И

О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ А. С. ПУШКИНА.

Изданіе Я. А. Исакова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ

И

О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ А. С. ПУШКИНА.

ИЗДАНІЕ Я. А. ИСАКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 17-го Декабря 1861 года.

Ценсоръ *В. Н. Бекетовъ.*

Съ восмью политипажами гравированными Гогенфельденомъ.

въ типографіи коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКОЙ академіи художествъ и к°.

СКАЗКА

О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ, съ утра до ночи
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись глядючи
Съ бѣлой зори до ночи:
Не видать милаго друга!
Только видитъ: вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
Богъ даетъ царицѣ дочь.

Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издалеча, наконецъ
Воротился царь-отецъ.
На него она взглянула,
Восхищенья не снесла,
Тяжелешенько вздохнула,
И къ обѣднѣ умерла.

Долго царь былъ неутѣшенъ;
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ;
Годъ прошелъ какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямъ была царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ и всѣмъ взяла;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела;
Съ нимъ привѣтливо шутила,

И красуясь говорила:
„Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты, конечно, спору нѣтъ;
Ты, царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.“
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолкомъ расцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась — и расцвѣла.
Бѣлолица, черноброва.
Нраву кроткаго такова.
И женихъ сыскался ей,
Королевичъ Елисей.
Сватъ пріѣхалъ; царь далъ слово,
И приданое готово:

Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.

На дѣвичникъ собираясь
Вотъ царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ.
„Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
Что же? зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, спору нѣтъ:
Но царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.“
Какъ царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!
„Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на зло.
Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь-то успокою,
Вишь какая подросла!
И не диво, что бѣла:
Мать беременна сидѣла,
Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
Но скажи: какъ можно ей

Быть во всемъ меня милѣй?
Признавайся: всѣхъ я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь міръ, мнѣ равной нѣтъ.
Такъ ли?“ Зеркальце въ отвѣтъ:
„А царевна всежъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.“
Дѣлать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку,
И наказываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ своей,
Везть царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.

Чортъ ли сладитъ съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ царевной
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: „жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?

Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица,
Я пожалую тебя."
Та, въ душѣ ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
„Не кручинься, Богъ съ тобой."
А сама пришла домой.
„Что?" сказала ей царица,
„Гдѣ красавица-дѣвица?"
—Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна,
Отвѣчаетъ ей она;
—Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть.—
И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужитъ бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу
За красавицей - душой,
За невѣстой молодой.
Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,

Между тѣмъ все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей навстрѣчу песъ, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
Въ ворота вошла она.
На подворьѣ тишина.
Песъ бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовой,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ невидно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался;
Топотъ по двору раздался.
Входитъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: „что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто же? выйдь и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый человѣкъ,
Дядей будешь намъ на вѣкъ;
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названый;
Коль старушка, будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица.“
И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали.

Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полну наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочикъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ, во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.
День за днемъ идетъ мелькая.
А царевна молодая
Все въ лѣсу, не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сарочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У Татарина отсѣчь,

Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго Черкеса.
А хозяюшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовитъ.
Имъ она не прекословитъ,
Не перечатъ ей они;
Такъ идутъ за днями дни.
Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: „Дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ бы ради,
Да нельзя; такъ Бога ради,
Помири насъ какъ нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.
Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?“
—„Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,“

Имъ царевна говоритъ:
„Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я на вѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей.
Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
„Спросъ не грѣхъ. Прости ты насъ,“
Старшій молвилъ поклонясь.
„Коли такъ, не заикнуся
Ужъ о томъ.“ — „Я не сержуся,“
Тихо молвила она,
„И отказъ мой не вина.“
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее;
А на зеркальце свое

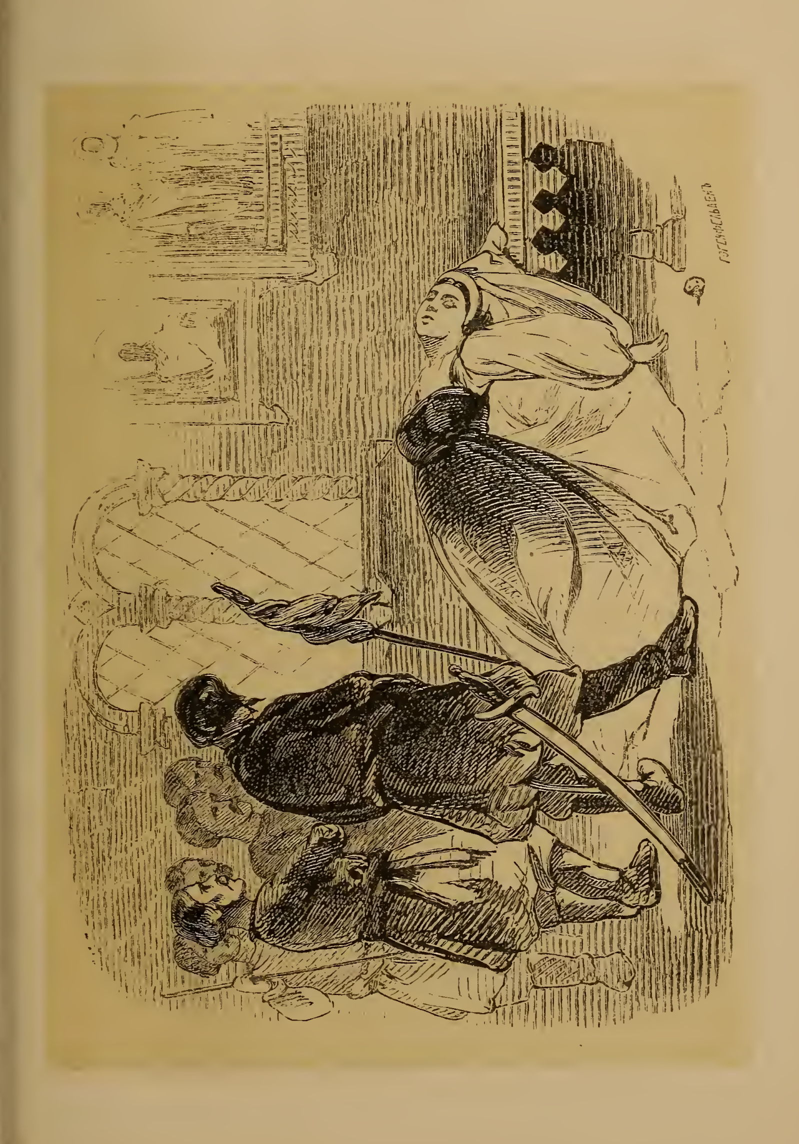
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ, и сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала
И съ улыбкою сказала:
„Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе!“
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но живетъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все жъ тебя милѣй.“
И царица налетѣла
На Чернавку: „какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ?...“
Та призналася во всемъ:
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.
Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,

Пряла сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. „Постой,
Бабушка, постой немножко,“
Ей кричитъ она въ окошко,
„Пригрожу сама я псу,
И кой-что тебѣ снесу.“
Отвѣчаетъ ей черница:
„Охъ ты, дитятко, дѣвица!
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выйдь ко мнѣ.“ — Царевна хочетъ
Выйти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги — и лаетъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо!
„Видно, выспался онъ худо,“
Ей царевна говоритъ;
„На жъ, лови!“ И хлѣбъ летитъ.

Старушонка хлѣбъ поймала;
„Благодарствую,“ сказала,
Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!“
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летитъ....
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ....
Но царевна въ обѣ руки
Хвать — поймала. „Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ,
Благодарствуй за обѣдъ,“
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотритъ, грозно воетъ,
Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою;
„Что, Соколка, что съ тобою,
Лягъ!“ И въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла

Братья молвили; печали
Не минуемъ." Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ знать оно.
Передъ мертвою царевной
Братья въ горести душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Она
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возстала ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный
Трупъ царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ пустую гору,
И въ полуночную пору

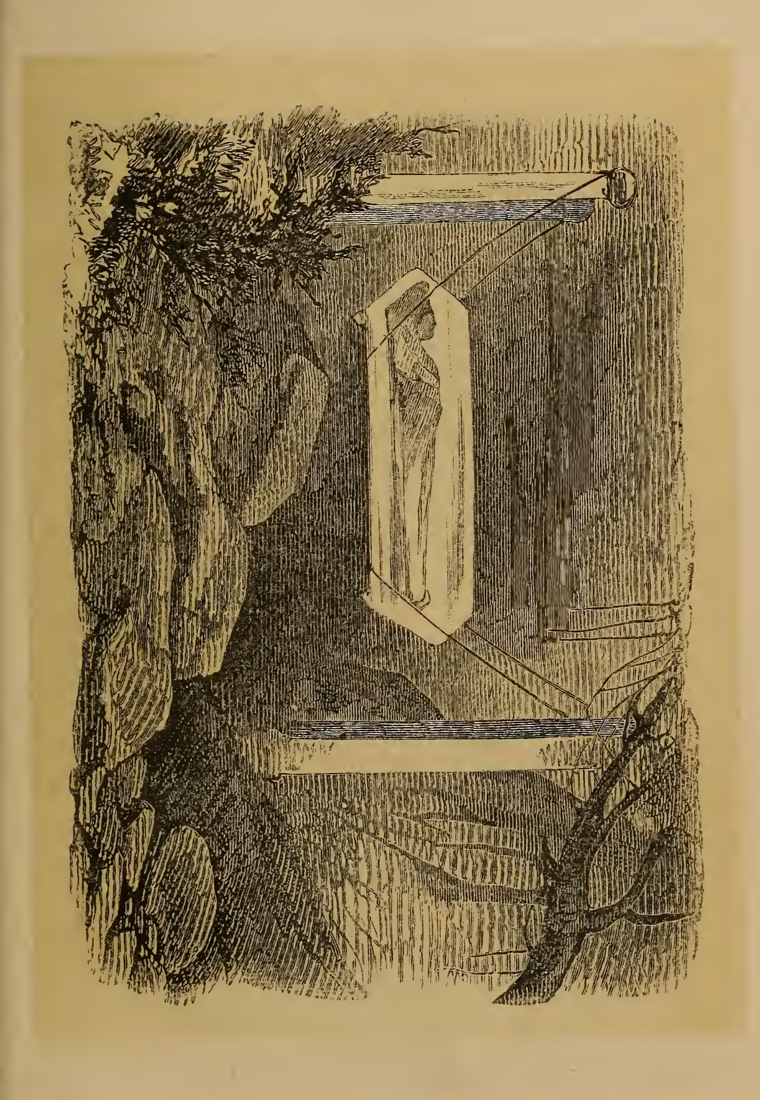

Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградили;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,—
Старшій молвилъ: „Спи во гробѣ;
Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
На землѣ твоя краса,
Духъ твой примутъ небеса.
Нами ты была любима
И для милаго хранима—
Не досталась никому,
Только гробу одному.“
  Въ тотъ же день царица злая,
Доброй вѣсти ожидая,
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
„Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И услышала въ отвѣтъ:
„Ты, царица, спору нѣтъ,
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.“
  За невѣстою своей
Королевичъ Елисей

Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
И кого ни спроситъ онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется;
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ.
„Свѣтъ нашъ солнышко! ты ходишь
Круглый годъ по небу, сводишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой,
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей.“ — „Свѣтъ ты мой,“
Красно солнце отвѣчало:
„Я царевны не видало.
Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
Или слѣдъ ея замѣтилъ.“
Темной ночки Елисей
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался:

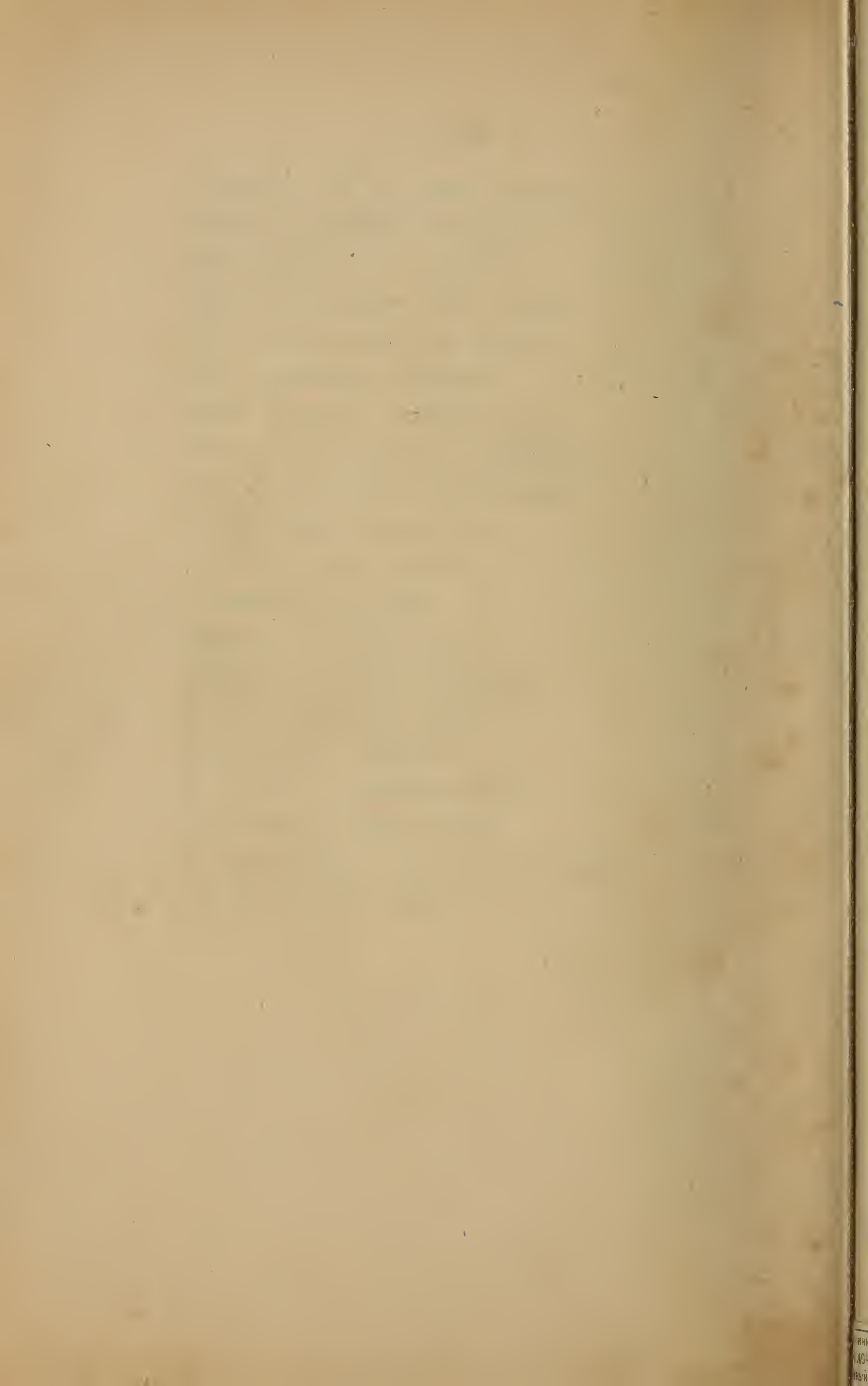
„Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченный рожокъ!
Ты встаешь во тьмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокой,
И обычай твой любя,
Звѣзды смотрятъ на тебя.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей." — „Братецъ мой,"
Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
Не видалъ я дѣвы красной.
На сторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня царевна видно
Пробѣжала." — „Какъ обидно!"
Королевичъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
„Погоди: объ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ знаетъ; онъ поможетъ.
Ты къ нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай."
    Елисей не унывая
Къ вѣтру кинулся, взывая:
„Вѣтеръ, вѣтеръ! Ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,

Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ея.“ — „Постой,“
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
„Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
Есть высокая гора;
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тьмѣ печальной
Гробъ качается хрустальной,
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ни чьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустаго мѣста:
Въ томъ гробу твоя невѣста.“
Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нея страна пустая;

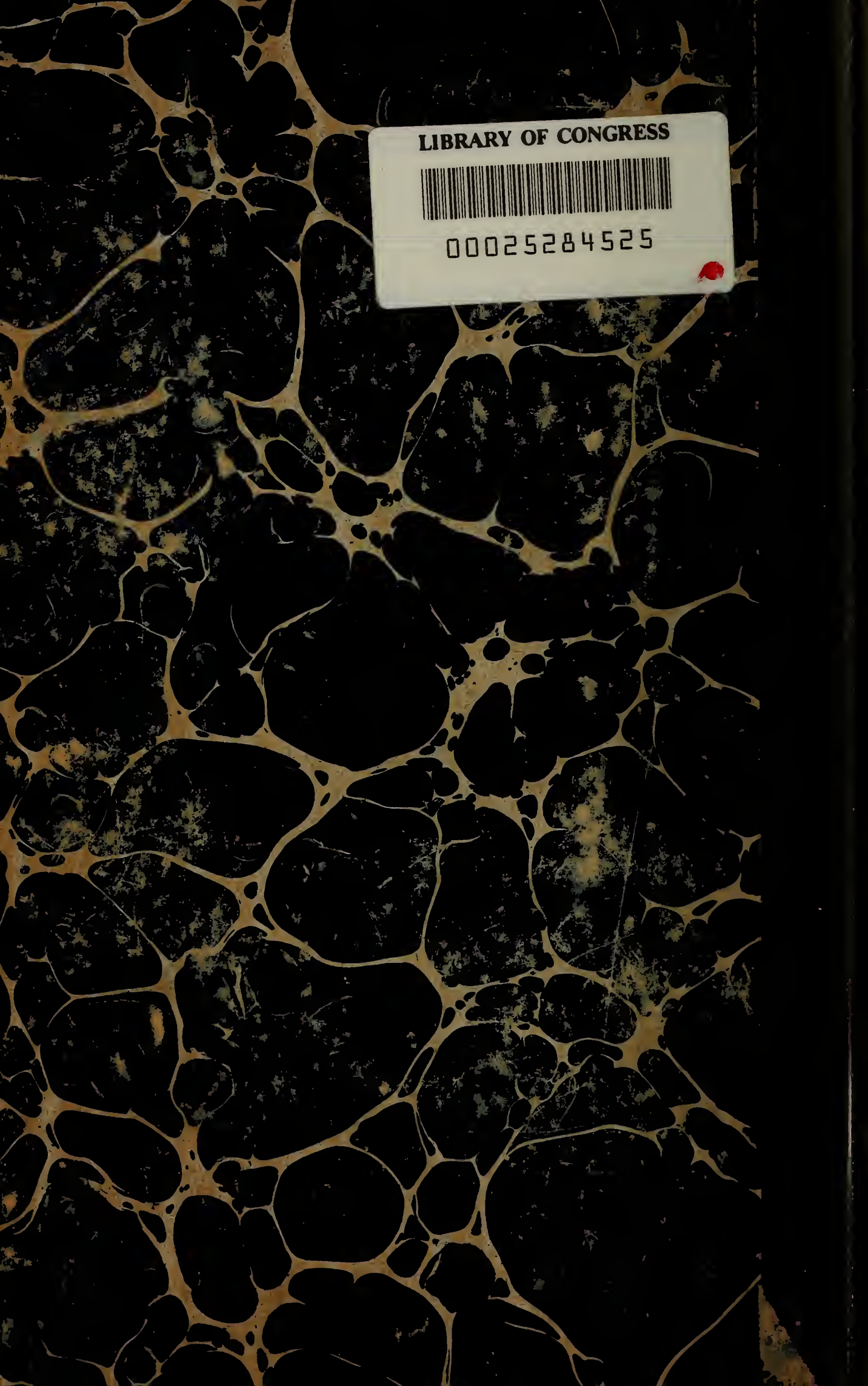

Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
„Какъ же долго я спала!"
И встаетъ она изъ гроба....
Ахъ!.... и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тьмы несетъ,
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубитъ уже молва:
Дочка царская жива!
Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,

LIBRARY OF CONGRESS
00025284525